

Martyna Król

Uniwersytet Jana Kochanowskiego w Kielcach

МОТИВАЦИИ ЛЕКСИЧЕСКИХ ТРАНСФОРМАЦИЙ (НА МАТЕРИАЛЕ ИСХОДНОЙ ЛЕКСЕМЫ *ПРОЙТИ*)

Key words: semantics, lexical transformations, homonymy, homonymoidality, derivation

Статья посвящена вопросу трансформационного словопроизводства, т.е. динамического процесса образования новых слов по языковым моделям с привлечением целостных форм уже существующих лексических единиц, являющихся для них мотиваторами. Термин „трансформационное словопроизводство” в отношении такого типа образований ввел Иван Торопцев [Торопцев 1980]. Согласно его концепции, лексическая трансформация – это процесс, состоящий в использовании формы мотивирующего слова (во всех его словоформах или только в части парадигмы) для номинации нового понятия. Условием данной процедуры является категориальное сходство или референтивная смежность нового понятия с тем, которое вербализовано мотивирующим словом. В описательном языкознании такой процесс определяется либо как образование новых значений одного и того же слова (т.е. возникновение полисемии), либо как лексико-семантический способ словообразования (при этом выводы дериватологов явно противоречат выводам лексикологов, т.к. сама идея способа словообразования предполагает возникновение нового слова, а процесс возникновения нового значения у того же слова, напротив, предполагает сохранение тождества лексической единицы).

В русской советской традиции формальную грамматику представляли прежде всего ученики Филиппа Фортунатова (Алексей Шахматов, Александр Пешковский и др.), а также школа Виктора Виноградова. Набор значений одного и того же слова в работах Виноградова и его последователей называется семантической структурой слова. Отдельные составляющие семантической структуры слов Александр Смирницкий называл лексико-семантическими вариантами (ЛСВ), Юрий Маслов говорил о семантических вариантах слова, Владимир Звегинцев предлагал термин „моносема” [см. Сусов].

В польской лингвистической традиции проблемы тождества лексической единицы чаще всего рассматриваются в рамках грамматических исследований. При этом традиционно часто противопоставляют нормативную грамматику описательной. При таком подходе под термином „нормативная грамматика” понимается описание грамматических правил данного языка с целью убедить читателя в необходимости выбора предлагаемых в нем языковых средств. Описательная же грамматика нацелена на простую констатацию языковых фактов. Как считает Сигмунд Салони, данное противопоставление не является слишком резким. По его мнению,

основные пособия по грамматике родного языка для разных типов школ либо по грамматике неродного языка, которым присущ нормативный характер, должны опираться на тщательное научное описание грамматической системы данного языка [Saloni 2003: 215].

В русской лингвистической традиции исследования тождества слова принято проводить в рамках лексикологии, словопроизводства и теории номинации.

Проблема, которой посвящена наша статья, относится также к сфере номинации, так как необходимость назвать новое понятие или переименовать старое понятие по-новому провоцирует появление новых языковых номинативных единиц. Вышеназванные вопросы мы постараемся решить с опорой на ономастиологию (теорию номинации) и функционально-прагматическую методологию языковедческих исследований. Термин „ономастиология” ввел Эрнст Тапполет в 1895 году

для определения сравнительной лексикологии. Потом под влиянием А. Цаунера [1902] этому термину придали значение раздела языкознания, занимающегося, подобно семасиологии, исследованием семантики слов. Разница между ономастиологией и семасиологией состоит в том, что предметом первой из них является семантический анализ, идущий от значения к форме, в отличие от семасиологии, где исследование ведется обратно, т.е. от формы к значению [Polański 2003: 406–407].

В настоящее время термин „ономастиология” употребляется прежде всего как синоним теории номинации, в центре внимания которой оказываются не сами производные единицы как состоявшиеся исторические факты, а механизмы и модели образования новых назывных единиц языка. Термин „семасиология” создал в 1839 году Карл Рейсиг „для определения науки о значении слов, и, прежде всего, об изменениях их значения. Его использовали, главным образом, немецкие и русские лингвисты” [Polański 2003: 525]. В польской лингвистике, по мнению Казимежа Поланского, сегодня термин *semazjologia* практически не употребляется. Его заменил термин *semantyka*, восходящий к традиции французского лингвиста Мишела Бреала. Этот языковед занимался семантическими изменениями и дал основы классификации таких изменений. Того же Бреала считают автором термина „полисемия”

(1897), понимаемого как способность языковой единицы (морфемы, слова, выражения, предложения) иметь несколько значений [Polański 2003: 447].

Термин „полисемия” является важным для данного исследования, так как случаи, которые мы хотели бы описать, многими определяются именно как „многозначность”, „полисемичность” или „полисемия”. Полисемию ставят в одном ряду с таким феноменом, как омонимия, потому что в обоих случаях наблюдается сходство формального облика при расхождении в семантическом аспекте. Разграничение этих двух явлений стало проще благодаря работам Луиса Ельмслева, который обнаружил четвертый вид отношений между языковыми единицами и назвал его эпидигматическим. Этот тип отношений наблюдается между деривационно связанными единицами языка. Итак, слова, у которых наблюдаются такие связи, он называл полисемичными в отличие от омонимов, не связанных друг с другом живой синхронной связью. Логика такой терминологической дистрибуции является несколько ущербной, т.к. согласно определению, эпидигматические связи устанавливаются между различными единицами, одна из которых была образована при участии второй, в то же время термин „полисемичная связь” по своей внутренней форме предполагает идею многозначности одной и той же единицы.

Встречаются также такие подходы к этим двум явлениям, в которых полисемию считают разновидностью омонимии. Данное мнение высказано в книге *Языкознание* Тадеуша Милевского: „омонимия (полисемия) – это идентичность формы для нескольких отдельных семантических ценностей” [„identyczność formy dla kilku różnych wartości semantycznych”] [Milewski 2009: 70]. Дефиниция Милевского в некоторой степени соответствует нашему пониманию полисемии, так как в ней нет аналогии: одно слово – много значений. С другой стороны, выражение „идентичность формы” не представляется нам точным и адекватным. Прежде всего по той причине, что под формой слова (речь не о словоформе как конкретной речевой единице, а о целостном языковом знаке) нельзя понимать какую-то отдельную форму (пусть даже словарную репрезентацию), а всю парадигму форм, например все падежно-числовые формы существительного с учетом фонетических вариантов и вариаций, все формы рода, числа и падежа прилагательного, все формы числа и лица или рода во всех временах и наклонениях глагола и т.д. Разумеется, что в конкретном акте коммуникации актуализируется только одна из них, но в языковой системе в сознании коммуникантов наличествуют все в системном единстве (даже если не все они уже использовались, то в той же системе есть соответствующие модели формообразования, по которым они при необходимости могут быть образованы). Самым ярким проявлением несоответствия формы слов, которые считаются полисемичными, является случай, когда одно слово (одно значение) употребляется во всех возможных морфологических вариантах, а второе ограничено одной формой. Такое несоответствие касается и анализируемой в статье леммы *пройти* (‘выпасть

– об осадках’ – употребляется в настоящем или будущем времени исключительно в форме третьего лица единственного или множественного числа). Таким образом, *пройти* в значении передвижения пешим ходом в каком-то направлении и *пройти* (об осадках) не представляют собой тождественной формальной парадигмы.

Торопцев также считал полисемию разновидностью омонимии. Однако для того, чтобы избежать недоразумений, он предложил использовать термин „омонимность” для определения отношения формально идентичных или сходных языковых единиц с различным значением, связанных мотивационной связью. Чтобы подчеркнуть то, что это касается разных слов, а не разных значений одного слова, он и назвал эту разновидность омонимии омонимностью [см. Торопцев 1985: 116].

Мы, вслед за Торопцевым, будем употреблять термин „омонимность” для определения тех случаев, которые обычно называют полисемией, поскольку термин „полисемия” уже устоялся и стал общим местом в традиционной лексической семантике. Обратим внимание на следующие слова Леона Коминча:

Доказанным и не подвергающимся сомнению считается сегодня утверждение, что у слова может быть два или несколько значений, и что в конкретном контексте или конституции данное слово реализует всегда только одно значение [Komicz 1971: 42–43].

Данное предложение требует определенной оговорки. Его автор, как нам кажется, не различает языка и речи как составных языковой деятельности. Для правильного изложения нашей точки зрения относительно полисемии такое разведение является обязательным. С его учетом невозможно говорить о многозначности в языке (языковой системе). Там каждое слово соответствует определенному понятию, обладающему конкретным местом в когнитивной понятийной сетке. О полисемии можно говорить только в отношении восприятия речи при ограниченности контекстной ситуации (т.е. тогда, когда у слушающего или читающего недостаточно релевантного контекстного окружения, чтобы идентифицировать омонимид). Действительно, в конкретном коммуникативном акте речи, каждому слову присуще одно значение. Без такой изначальной предпосылки невозможно было бы взаимопонимание и удачное общение. Лексические единицы языка как системы должны быть однозначными, поскольку именно их значение (а не форма) является онтологическим фактором их конституирования и квалификации. Единица занимает в системе то место, какое указывает ей ее значение (входит в соответствующие семантические классы, группы, поля). Но и с функциональной точки зрения системная единица должна быть однозначной, поскольку ее использование в том или ином контексте, в той или иной речевой ситуации целиком зависит от ее значения. Наличие супплетивных форм у слова наглядно доказывает,

что форма выполняет лишь выразительную, т.е. вторичную функцию в отношении значения.

В естественном языке бывают случаи, когда появляются коммуникативные сбои, причиной которых является речевая полисемия. Это встречается чаще всего тогда, когда участники коммуникации не различают междискурсивных омонимов. Междискурсивные или межстилевые омонимы это слова или выражения с идентичной либо сходной формой, связанные мотивационной связью, но с разной семантикой и разной прагматикой. Они употребляются в различных дискурсах, поэтому их смешивание может привести к коммуникативной неудаче.

Из вышесказанного следует вывод, что, можно предположить, что расширение теории о наличии полисемии в языке вызвано существованием полисемии в восприятии речи. Исследовать описательным способом можно только речь (причем только фонетическую), а язык, который кроется в сознании коммуникантов, непосредственному наблюдению не подлежит. Его как объект исследования следует умозрительно выводить из анализа речи. Если язык отождествлять с речью и стоять на позиции реципиента, то перенос полисемии с речи на языковую систему становится понятным и доказательным, однако при последовательном разграничении речевой эмпирии и языковой системы, а также при подходе к языковой деятельности с позиции говорящего, это становится противоречивым и недопустимым.

С точки зрения функционального прагматизма язык как психосоциальное явление должен пониматься как антропоцентрическая и прагматическая функция лингвосомиотического опыта. В связи с этим каждое явление языка или речи следует рассматривать исходя, прежде всего, из прагматической установки на выражение интенции и коммуникацию, а значит в направлении от смысла (значения) к форме (выражению). Знак (в т.ч. слово) в этой парадигме – это значение (лексическое и формальное), а не материальная звуковая цепочка.

Показательным для объяснения нашего отрицательного отношения к понятию и термину полисемия является установление мотивации лексических трансформаций исходной лексики *пройти*. Согласно его лексикографической репрезентации, в него „вкладывают” до семнадцати значений. Так выглядит словарная статья „Пройти” по *Словарю русского языка* Дмитрия Ушакова (подаем ее в сокращенном виде):

ПРОЙТИ

1. *без доп.* Переместиться, передвинуться по какому-н. месту. || Переместиться, передвинуться куда-н., в каком-н. направлении с намерением достичь какой-н. цели.

2. *что*. Совершить, выполнить, покрыть (путь, расстояние ходьбой, ездой, плаванием и т. п.).
 3. *без доп.* Распространиться (о слухе, славе, молве, вёсти и т. п.).
 4. *без доп.* Выпасть (об осадках).
 5. *что* и *без доп.* Передвигаясь, направляясь куда-н., миновать что-н., оставить что-н. позади себя.
 6. *перен., что*. Протечь, представиться как бы идущим перед глазами, в мыслях.
 7. *перен., без доп.* Протечь, миноваться (о времени, о том, что было, длилось). || Прекратиться, исчезнуть, перестать. || Перестать болеть, перестать беспокоить болью (разг.).
 8. *без доп.* Двигаясь или будучи двигаемым, влезть, проникнуть через что-н., сквозь что-н. || Просочиться, проступить.
 9. *что*. Продвигаясь в каком-н. направлении, в толще чего-н. пробить (путь) или вырубить, разработать (участок какой-н. породы; спец.).
 10. (*несов.* нет). То же, что проходить 1 во 2 знач. и идти в 30 знач. (разг.).
 11. *что*. Изучить, обучаясь чему-н.
 12. *что*. Исполнить, выполнить (какие-н. обязанности, задания).
 13. *кого-что* и *через кого-что*. Продвинуться через какие-н. инстанции.
 14. *что* и *через что*. Подвергнуться чему-н., испытать что-н., выдержать то или иное испытание; получить признание, утверждение.
 15. *без доп.* Произойти, совершиться, закончиться с тем или иным результатом, так или иначе. || (без определения). Удаться, закончиться успешно, получить успешный исход, утверждение (разг.).
 16. *во что* или *в кого* (*с вин. п. мн. ч.*).
 17. *что чем* и *чем по чему*. Провести чем-н. по чему-н. с целью какой-н. работы, произвести какую-н. работу, действуя инструментом на известном пространстве (спец.).
- ◇ **Пройти в жизнь** (книжн.) – утвердиться на деле, установиться в жизни, получить реальное значение. **Пройти молчанием** что (книжн.) – ничего не сказать по поводу чего-н., не обратить никакого внимания, не реагировать на что-н. **Пройти мимо** чего (книжн.) – перен. 1) то же, что пройти молчанием; 2) не заметить чего-н., упустить из виду что-н. [Ушаков].

Так же семнадцать значений имеется в статье „Пройти” в *Толковом словаре русского языка* под редакцией Сергея Ожегова и Наталии Шведовой [Ожегов, Шведова 1998: 612].

В *Новом толково-словообразовательном словаре русского языка* Татьяна Ефремовой [Ефремова 2000] приводится пятнадцать единиц *пройти*. В *Словаре омонимов русского языка* приводятся два омонима *пройти*. Первый иллюстрируется примерами: „пройти по двору, мимо этого дома; пройти сотню верст пешком”, а второе слово употребляется в примерах „голова, горло, ухо, боль пройдет” [Ахманова 1974: 258]. В вышеприведенных толковых словарях это были отдельные значения одного и того же слова. Тщательный

анализ словарных статей „Пройти” приводит к появлению у внимательного читателя сомнений насчет границы между отдельными значениями. Эта граница является неострой и об этом свидетельствуют различия в их трактовке отдельными составителями словарей. В этом их можно было бы упрекать, однако следует отдавать себе отчет в том, что лексикографическая теория базируется на языковедческих положениях. Если положения ошибочны, то и вся теория обречена на неудачу.

Наше предложение, чтобы каждое значение слова, выделяемое в соответствии с теорией полисемии, считать отдельным словом, должно детерминировать гораздо более строгое разведение семантических признаков. При этом лексикографическая практика представлять все деривационно связанные лексические единицы в одной словарной статье не обязательно должна меняться. Этим омонимоиды отличались бы от омонимов.

С опорой на положение о существовании омонимоидных отношений в языковой системе вместо полисемичных мы сделали подробный анализ всех лексических единиц *пройти*. В его результате у нас получилось двадцать шесть омонимоидов. Мотивационные связи отдельных омонимоидов можно представить в виде схемы (рис. 1).

Как видно из схемы некоторые омонимоиды *пройти* являются мотиваторами для нескольких других, образуя своеобразное деривационное гнездо (*Пройти 4, Пройти 12, Пройти 17*), в то время как некоторые мотивируют только одно слово (*Пройти 9, Пройти 18, Пройти 25*). *Пройти 1*, который, на наш взгляд, является исходным словом, развивался в двух направлениях в соответствии с субъектом действия. Одушевленный субъект действия наблюдается в омонимоидах *пройти*, обозначенных цифрами: 1, 12, 13, 14, 15, 16, 17, 18, 22, 23 и 24. В связи с этим данные одиннадцать омонимоидов обладают всей парадигмой форм (они выражают субъектно-объектные отношения, напр. „Я прошел” ничего не значит, необходимо дополнение – „дорогу”, „мимо станции”, „ногами” и т.д.). Для омонимоидов, обозначенных цифрами 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9, 10, 11, 19, 20, 21, 25 и 26, свойствен неодушевленный субъект действия, а это значит, что они употребляются только в форме третьего лица (предикативная установка: субъект + 3-е лицо глагола). Кроме того, можно заметить, что признак длительности, продолжительности и поэтапности действия, который наблюдается во всех омонимоидах *пройти*, реализуется в двух аспектах: временном и пространственном. Омонимоиды *пройти* вербализующие пространственные отношения это омонимоиды, обозначенные цифрами: 1, 2, 3, 4, 12, 16, 17, 19, 20, 21 и 24. Омонимоиды 8, 9, 10, 11, 13, 14 и 15 выражают временные отношения, причем *Пройти 9* и *Пройти 10* относятся к событиям, а *Пройти 11* касается чувств и ощущений. Учитывая функционально-прагматическую точку зрения, следует заметить, что омонимоиды, относящиеся к пространственному аспекту, в большинстве случаев употребляются в разговорном дискурсе, в то время как временные

омонимойды можно встретить, прежде всего, в официально-деловом, а также в публичном дискурсах. Омонимойды 5, 6, 7, 18, 22, 23, 25 и 26 обладают специфическими значениями и настолько отошли в семантическом плане от своих мотиваторов, что их уже невозможно подвести под общий критерий пространственно-временных отношений. У каждого из приведенных здесь омонимойдов совершенно отдельное и самостоятельное категориальное значение, на что указывает различная валентность и разная прагматика использования.

Общий вывод, который можно сделать в связи с данным анализом, представляется следующим образом: 1) отрицание полисемии заставляет более остро ставить пределы между отдельными семантическими признаками, 2) следует обращать особое внимание на лексическую сочетаемость – при разных словах она является дополнительным доказательством их независимого статуса, 3) теория омонимойдности не изменит лексикографической установки отличать омонимы и 4) трактовка омонимойдов как отдельных слов может привести к семантической раздробленности, однако только таким образом можно упорядочить беспорядок, господствующий в толковых словарях, а также в опирающихся на них переводных словарях.

Библиография

- Ахманова О.С. (1974). *Словарь омонимов русского языка*. Москва, Советская Энциклопедия.
- Ефремова Т.Ф. (2000). *Новый толково-словообразовательный словарь русского языка*. Москва, Русский язык.
- Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. (1998). *Толковый словарь русского языка*. Москва, Азбуковник.
- Сусов И.П. *Введение в теоретическое языкознание*. Электронный ресурс. Режим доступа: <http://homepages.tversu.ru/~ips/3_03.htm>. Дата доступа: 10.02.2011.
- Торопцев И.С. (1980). *Словопроизводственная модель*. Воронеж, Издательство Воронежского университета.
- Торопцев И.С. (1985). *Язык и речь*. Воронеж, Издательство Воронежского университета.
- Ушаков Д.Н. (ред.). *Толковый словарь русского языка*. Электронный ресурс. Режим доступа: <<http://slovari.yandex.ru/dict/ushakov/article/ushakov/Пройти>>. Дата доступа: 4.06.2010.
- Komincz L. (1971). *Wieloznaczność a funkcja selekcyjno-determinacyjna kontekstu*. Warszawa–Wrocław, PWN.
- Milewski T. (2009). *Językoznawstwo*. Warszawa, Wydawnictwo Naukowe PWN.
- Polański K. (2003). *Polisemia*. В: К. Polański (ред.). *Encyklopedia językoznawstwa ogólnego*. Wrocław–Warszawa–Kraków, Ossolineum.
- Polański K. (2003). *Onomazjologia*. В: К. Polański (ред.). *Encyklopedia językoznawstwa ogólnego*. Wrocław–Warszawa–Kraków, Ossolineum.
- Polański K. (2003). *Semazjologia*. В: К. Polański (ред.). *Encyklopedia językoznawstwa ogólnego*. Wrocław–Warszawa–Kraków, Ossolineum.
- Saloni Z. (2003). *Gramatyka normatywna*. В: К. Polański (ред.). *Encyklopedia językoznawstwa ogólnego*. Wrocław–Warszawa–Kraków, Ossolineum.

Summary

Motivations of Lexical Transformations (on the Example of the Basic Lexeme *npou̇mu*)

The paper is aimed at the problem of transformational word-formation meant as a dynamic process of formation of new expressions on the basis of linguistic models using entire forms of already existing expressions, which become motivated expressions that way. This problem was taken into consideration from this viewpoint often defined in linguistics as polysemy. One lexical unit was analyzed on the basis of many core glossaries and a homonym dictionary, and three was an attempt to falsify the theory of polysemy and substitute it with the theory of homonymoidality seen as a phenomenon of formal similarity of expressions having different semantic features and retained derivational features (one of the expressions is a motivational one, another – motivated). The paper also presents a detailed description with a scheme of motivation of such lexical transformations of the entity, which is determined by a greater semantic elasticity. In the glossaries, the number of meanings for the lexical unit oscillated at 15–17 meanings but their definitions were different. The change in basic theory allowed both to distract and to order the semantic structure of homonymoids *npou̇mu*.